

Творцы и мыслители

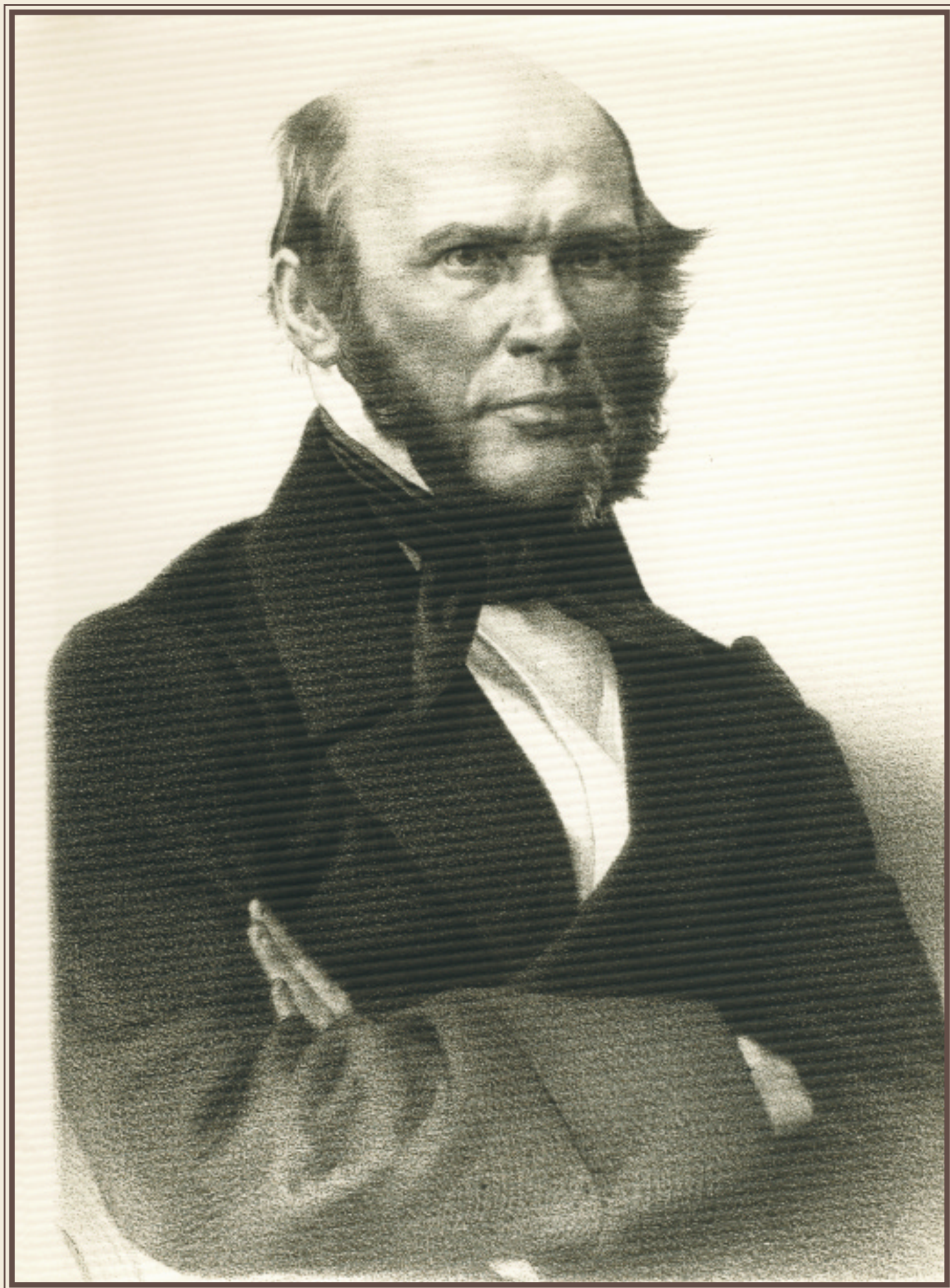
А.В. Шапошникова

ДНЕВНИК старого врача

Все разъясняется, все делается понятно — умею только хорошо обращаться с фактами, умею зорко наблюдать, изоощрять чувства, научись правильно наблюдать, тогда исчезнут перед тобой чудеса и мистерии природы и устройство вселенной делается таким же обыденным фактом, каким сделалось теперь для нас все то, что прежде считалось недоступным и сокровенным. Такое убеждение с каждым днем все более проникает в сознание не только передовых людей, жрецов науки, но и целых масс.

Н.И. Пирогов

После работы он обычно возвращался в свое имение. По мере удаления от города становилось все тише и тише, на землю спускались ранние сумерки, затем наступала темнота, и где-то там в стороне от дороги, где стояла деревня, зажигались неяркие огоньки и слышался собачий лай. Коляска въезжала в ворота усадьбы, старый слуга, помогая ему сойти, говорил свое привычное «Пожалуйте, барин, домой», — и открывал тяжелую дверь дома. Он входил в переднюю, полную знакомых запахов и каких-то неприметных шорохов, которых, если к ним не прислушаться, как бы и не было. Домашний скрип половиц сразу начинал действовать на него успокаивающе. Там, в беспокойном шумном городе, остались все его заботы, стоны больных, кровавые бинты оперируемых, хирургические инструменты, которые он ощущал каждый день своими пальцами как привычную часть своих рук, смешанный запах лекарств — он, хирург, вдыхал его так много, что временами даже не замечал. Все это он не впускал в свою уютную деревенскую усадьбу, стараясь здесь оградиться от всего того, что мешало ему думать и размышлять. Эти размышления с некоторых пор все больше и больше увлекали его. Они приносили ему ра-

Николай Иванович Пирогов, 1860-е гг. Иконотека Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

дость неожиданных открытий и тайных мыслей, которыми он не мог, а скорее не хотел делиться с остальными, даже близкими. Эти мысли обычно настигали его во время вечерних прогулок, удивляя его самого своей стройностью и скрытым в них смыслом. Они противоречили всему его образу жизни, его главному делу, в котором он достиг многого. Его имя в медицинских кругах было весомым и непоколебимым. Его авторитет хирурга и ученого был непревзойденным и прочным. Но ни то, ни другое не имело никакого отношения к его размышлениям во время тихих вечерних прогулок. Он всегда занимался серьезным делом спасения жизней людей и облегчал их страдания. И это дело он считал самым главным не только для себя. Философия или подобные ей так называемые науки его никогда не привлекали. И вот в самом конце жизни надо же было такому случиться...

После прогулок он записывал свои размышления в толстую тетрадь, которую тщательно скрывал от посторонних взглядов. Особенно интересные мысли у него появлялись, когда погода была ясной, а над дальним лесом и его домом зажигались бесчисленные и таинственные звезды. Он делал записи каждый день, пропуская лишь те дни, когда по каким-то причинам не мог отправиться на прогулку. Потом он озаглавит свои записи: «Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что, может быть, когда-нибудь прочтет и кто другой. 5 ноября 1879 — 22 октября 1881». Сам же автор дневника после своей последней записи прожил совсем немного — не более месяца и умер в том же 1881 году.

Сведения об авторе дневника можно найти в двух энциклопедических словарях — «Советском энциклопедическом словаре» (1988) и «Малом словаре» Брокгауза и Ефрона (1994). Если объединить информацию того и другого источника, получится небольшая справка, в которой окажется все существенное. Справка выглядит так. Николай Иванович Пирогов (1810 — 1881), русский хирург, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1847). Участник обороны Севастополя (1854 — 1855), франко-прусской (1870 — 1871) и русско-турецкой войн.

Впервые произвел операцию под наркозом на поле боя. Кроме этого ввел неподвижную гипсовую повязку и разработал методику ряда важных хирургических операций. Ввел новые

методы анатомических исследований. Основал в Петербурге анатомический институт, а при нем музей. Им написаны многие тома научных работ в области медицины, среди которых и «Топографическая анатомия», получившая мировое признание. Пирогова называли «отцом русской хирургии». Он был также выдающимся общественным деятелем. Вел последовательную борьбу с сословными предрассудками в области образования, выступал за автономию университетов и всеобщее начальное образование. Кроме всего этого, он был человеком великого мужества, не менее великого самопожертвования и высочайшей скромности. По причине последнего качества и его дневник, «писанный исключительно для себя», так долго не находил своего читателя...

Во время своих прогулок-размышлений он испытывал нечто такое, что было для него новым, неожиданным и неповторимым. Он как бы отрывался от земли, от этого чернеющего вдали леса, от тропы, идущей по берегу прозрачной реки, и, наконец, от своего дома, стоявшего где-то там, за еле видневшейся оградой. И в этом состоянии он пытался заглянуть внутрь себя, но не туда, где находились его кровеносные сосуды, органы, клетки тканей и все остальное, с чем он был знаком давно как врач и исследователь плотно-материальной оболочки человека. Он чувствовал и хорошо понимал, что внутри его, кроме всего этого, есть пространство совсем другого свойства, которое нельзя ни увидеть, ни прикоснуться к нему скальпелем. В этом пространстве жила тайна, Высшая тайна его бытия. Он ощутил это пространство в самом конце своей жизни и стремился понять его предназначение и свое место в нем. Он представлял себе достаточно четко, что нечто, существовавшее в его невидимом внутреннем мире, было, как ни странно, связано с чем-то высоким, охватывающим все Мироздание и эту сверкавшую над ним звездную Вселенную. Поначалу он никак не мог поверить в соотносимость того и другого. Но постепенно в нем возникало убеждение в такой соизмеримости, и тогда его мысли текли легко и свободно, наполняясь иным, чем раньше, содержанием, неся еще неведомую ему информацию. «Я представляю себе, — записывал он, — нет, это не представление, а греза, — и вот мне грезится беспредельный, непрерывно зыблющийся и текущий океан жизни, бесформенный, вмещающий в себя всю вселенную, проникающий все ее атомы, непрерывно группирующий их, разметающий их сочетания и агрегаты и при-

способляющий их к различным целям бытия.

К какому бы разряду моих ограничений я ни отнес этот источник ощущения и ощущающего себя бытия — к разряду ли сил, или бесконечно утонченного вещества, — он для меня все-таки представляет нечто независимое и отличное от той материи, которая известна нам по своим чувственным (подлежащим чувственному исследованию) свойствам¹.

Он все жизнь резал и спасал эту материю, не подозревая ни о чем существующем кроме нее. Он не был религиозным человеком, рационализм всегда возобладал в его мыслях и действиях. И вот теперь ему открылось нечто, что как ученый и врач объяснить он не мог.

Открылась умопостигаемая в глубинах Космоса материя иного, более высокого состояния, и он назвал ее «бесконечно утонченное вещество». Тогда, в конце XIX века экспериментальная наука ни о чем подобном не знала. Он не мог ни объяснить, ни сформулировать тот метод, которым он постиг неведомую для него тайну иного состояния материи. Обо всем этом будет сказано и написано уже в другом веке, до которого он не доживет. Но это «бесконечно утонченное вещество» станет главным сюжетом его размышлений на вечерних прогулках. Привыкший чувственно ощущать плотную земную материю, он тем не менее не сомневался в существовании ее другого вида, хотя и не называл его материей. Для этого у него не хватало подлинно научной информации. Будучи ортодоксальным последователем экспериментальной науки, он не мог отнести то, что интуитивно чувствовал в себе, к ее пространству. Это было что-то иное, как бы вне пределов этой науки, не поддававшееся эксперименту, которым он привык проверять истинность того или иного явления. От этого в нем возникал разлад, который и заставлял его тщательно скрывать эти тревожащие, но теперь уже неизбежные мысли. А они разрастались и начинали жить своей, независимой от него жизнью. Они как бы постепенно, порой даже незаметно подводили его к идее одушевленного Космоса. И однажды он записал в дневнике: «Если наш ум не может не найти целесообразности в проявлениях жизни и творчества различных типов по определенным формам, то этот же ум не может не видеть самого себя, т.е. видеть разумное, и вот наш ум по необходимости должен принять беспредельный и вечный ра-

зум, управляющий океаном жизни»². И он уже не отрицал мысль о том, что его индивидуальный разум может быть тесным образом связан с этим вселенским непостижимым разумом. Он шел от ступени к ступени какой-то гигантской невидимой лестницы, начиная — чем-то нематериальным в нем самом — понимать, что мысли, пришедшие ему в голову, столь же истинны, как и результаты чистого эксперимента. Он столкнулся с каким-то иным, неведомым ему методом исследования, где он сам, врач Пирогов, играл странную и неожиданную роль своеобразного инструмента этого исследования. И это было так ощутимо и убедительно, что спустя некоторое время он перестал сомневаться в этом инструменте и только жалел о том, что подобные мысли не пришли к нему раньше, в расцвете его научной работы.

«...Ум мой не мог не усмотреть, что главные его проявления — мышление и творчество, согласны с законами целесообразности и причинности, ясно обнаруживаются и во всей Мировой жизни без участия мозговой мякоти». И далее: «Вот это-то открытие собственным мозговым мышлением мышления Мирового, общего и согласного с его законами причинности и целесообразности творчества вселенной, и есть то, почему ум мой не мог остановиться на атомах, ощущающих, сознающих себя, мыслящих и действующих только посредством себя же, без участия другого, высшего начала сознания и мысли»³.

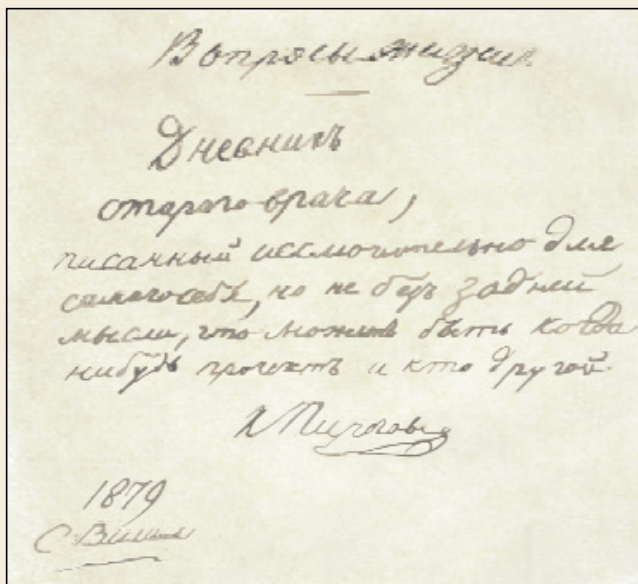
Таким образом, старый врач, как он себя называл, пришел к идее существования в Космосе или Вселенной «высшего начала сознания и мысли», к идее, которая потом станет одной из основных в новом мышлении Космического мироощущения.

Он понимал теперь, что есть мысль Высшая и мысль его, врача Пирогова, которая казалась принадлежащей ему самому. Как они взаимодействуют между собой? Он уже знал, что существует мысль в пространстве «без мозговой мякоти», но как она влияет на материю, которую нельзя сбросить со счетов? И откуда-то из глубины его же существа на вопросы, им поставленные, приходили ответы. Этот странный механизм увлекал его, затягивал и теперь составлял самое главное в его вечерних размышлениях. Ему оставалось проверить их доступной ему логикой и записать.

¹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. М., 1962. С. 86.

² Там же.

³ Там же. С. 87.

Дневник Н. И. Пирогова.
Титульная страница рукописи

«Цель и мысль, пойманные, так сказать, в сети материала, на полотне в красках живописца, в мрамор зодчего, на бумагу в условные знаки и слова поэта, живут потом целые века своей жизнью, заставляя и полотно, и мрамор, и бумагу сообщать из рода в род содержимое в них творчество. Мысль, проникая в грубый материал, делает его своим органом, способным рождать и развивать новые мысли в зрителях и читателях.

Если это неоспоримый факт, то для меня не менее неоспоримо и то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом вселенную, проникая и группируя атомы в известную форму, сделала и мой мозг органом мышления. Действительно, его ни с чем нельзя лучше сравнить, как с музыкальным органом, струны и клавиши которого приводятся в постоянное колебание извне, а кто-то, ощущая их, присматриваясь, прислушиваясь к ним, сам приводя и клавиши и струны в движение, составляет из этих колебаний гармоническое целое. Этот кто-то, приводя мой орган в унисон с мировой гармонией, делается моим я; тогда законы целесообразности и причинности действий мировой идеи делаются и законами моего я, и я обретаю их в самом себе и из себя в природу»⁴.

Этот удивительный фрагмент как бы представляет собой целую концепцию того, как проявляет себя мировая мысль в материи и как она творит в ней, закладывая в материальную субстанцию свои идеи, которые, развиваясь, дают

определенный эволюционный импульс тому материальному пространству, где действует эта высшая мысль. Проблема мышления и природы самой мысли потом, в XX веке, будет занимать умы философов, ученых и художников, но так четко сформулировать творческий процесс высокой мысли им удастся не сразу.

«И в меня, — записал Пирогов в своем дневнике, — невольно вселяется убеждение, что мозг мой и весь я сам есть только орган мысли мировой жизни, как картины, статуи, здания суть органы и хранилища мысли художника»⁵. Это ощущение не покидало его до самой смерти. Он как бы постиг своим сознанием главную суть космического мыслетворчества и почти физически осязал ту гармонию, которая каждый раз возникала между его мыслями и той пространственной Высшей Мыслью, когда он начал во время прогулки задавать кому-то неведомому и невидимому свои вопросы.

«Для вещественного проявления мировой мысли и понадобился прибор, составленный по определенному плану из группированных известным образом атомов, — это мой организм, а мировое сознание сделалось моим индивидуальным посредством особенного механизма, заключающегося в нервных клетках. Как это делалось — конечно, ни я, ни кто другой не знаем. Но то для меня несомненно, что сознание мое, моя мысль и присущее моему уму стремление к отысканию целей и причин не могут быть чем-то отрывочным, единичным, не имеющим связи с мировой жизнью, и чем-то законченным и заканчивающим мироздание, т.е. не имеющим ничего выше себя»⁶.

В тот вечер, когда он записал эти слова, он еще раз остро почувствовал свою связь и даже, можно сказать, единство с тем высоким, неопостижимым, что таилось и действовало там, в звездной беспредельности вселенной. В грядущем веке это назовут космическим мироощущением, но старый врач тогда еще не знал этих слов.

«Где орган мышления для мировой мысли? Где ее проявления без мозговой мысли? — спрашивал он. — В том-то и дело, — отвечу на это, — что то же самое чувство, которое убеждает нас в нашем бытии, неразлучно с этим убеждением и вселяет в нас и другое — о существовании мира, т.е. о проявлениях мировой мысли. И тот же самый ум, который убеждается в целесообразности

⁴ Пирогов Н. И. Собрание сочинений. Т. VIII. 87—88.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 88—89.

Кабинет Н.И. Пирогова в его имени в селе Вишня Винницкой области

наших жизненных функций, видит и целесообразность в бытии других мировых функций; другими словами, наш же собственный ум, как бы он настроен (эмпиризмом или идеализмом) ни был, не может не заметить присутствия мысли вне себя, точно так же, как не может не убедиться в присутствии вещества в нашем организме и вне его»⁷. И далее: «Мозговой ум наш и находит себя, т.е. свойственные ему стремления к целесообразности и творчеству, вне себя только потому, что он сам есть не что иное, как проявление высшего мирового ума»⁸.

Он пришел к выводу, что Мирозданием правит его основная творческая сила — Мировой Разум, и его главное проявление — Мировая Мысль. Убеждение человека в том, что его мозг рождает его собственные мысли, он считал, после долгих своих размышлений, иллюзией и заблуждением. Он единым умственным взглядом окинул всю вселенную и процессы, идущие в ней, и проник в ее главную тайну — связь индивидуальных функций человека со всем, что происходило в этой вселенной — чтобы понять источник и мировой мысли, и источник его собственных мыслей. К счастью, он обладал тем мужеством мышления, которое дало ему возможность не дрогнуть и не отступить перед сделан-

ными выводами, как, возможно, это случалось не однажды с профессиональными философами его века.

«Не потому ли ум наш, — записывал он, — и находит себя, т.е. мысль и целесообразное творчество, вне себя, что он сам есть проявление того же самого высшего, мирового, жизненного начала, которое присутствует и проявляется во всей вселенной. Мировая Мысль, присущая этому началу, совпадает, так сказать, с нашей мозговой мыслью, служащей ее проявлением, и потому те же стремления и сходные атрибуты находим мы в той и другой. Совпадение свидетельствует об одном и том же источнике, но различие неизмеримо велико, несравненно более велико, чем мы, например, полагаем между особью и родом или племенем. Наша мысль есть действительно только индивидуальная, и именно потому, что она — мозговая, органическая. Другая же мысль, проявляющаяся в жизненном начале всей вселенной, именно потому, что она мировая, и не может быть органической. А наш хотя и общечеловеческий, но, в сущности, все-таки индивидуальный ум, — и именно по причине своей индивидуальности, а следовательно, органичности и ограниченности, и не может возвыситься до понимания тех выс-

⁷ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 90.

⁸ Там же. С. 92.

Дом Н.И. Пирогова в селе Вишня. Выход на аллею

ших целей творчества, которые присущи только уму неорганическому и неограниченному — мировому»⁹. Тем не менее ум старого врача дошел до понимания того, что он изложил в своем дневнике. Ибо этот ум и сознание были много выше ординарных умов не только страны, но и планеты, и были призваны выполнить свою определенную миссию — заложить в фундамент нового космического мышления те краеугольные камни, на которых воздвигнется потом прекрасное здание космического мироощущения. Пирогов был одним из тех немногих, кто почувствовал неизбежность подобного мышления и смело пошел ему навстречу. Мысль о единстве Мироздания, прозвучавшая в его дневнике, была одной из важнейших, если не самой главной для наступающего нового мышления. Она совместилась в дневнике с другой, не менее важной мыслью — об определенной ограниченности плотной материи физического мира, которая, с одной стороны, могла взаимодействовать с высшими структурами Космоса, а с другой, в силу своей ограниченности, не достигала еще того уровня, который ей предлагали Мировой разум и Мировая мысль, материя которых была совсем другой, резко отличной от плотной. Он не мог определить эту неведомую ему материю, ибо всю свою жизнь имел дело с

плотной, органической материей. Он смог только почувствовать разницу между той и другой и, таким образом, открыть дорогу к последующим изысканиям.

В этих своих размышлениях он пришел к понятию беспредельности, в таинственных процессах которой были задействованы такие явления, как жизнь, сила, время, пространство, вещество. Иными словами — все то, что потом, в следующем веке, привлечет пристальное внимание крупнейших ученых, которые почувствуют неизбежность космического мироощущения. Они пойдут в изучении этих явлений от Земли, от плотной материи, которая долгое время была главным объектом научных исследований — от низа к верху. Он же в своих озарениях предложил иной путь, более отвечающий реальности — с верху к низу. Ибо интуитивно ощущал, что причина всех перечисленных явлений существует именно наверху, в том таинственном пространстве, материю которого он никак не мог определить. Именно там, в беспредельности, находились все «начала» — жизни, вещества, силы, времени, пространства. Интуиция его так высоко поднялась, а сознание, расширившись, перешло на ту ступень, когда знания его уже возникали как озарения, напоминавшие зарницы на темном вечернем небе.

⁹ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 97.

И озарения и зарницы были светом. Свет зарниц ему был понятен. В озарениях же содержался свет иной, несший другие особенности и постижения. Жизнь — кто, как не он, врач, хирург, видевший смерть на поле брани и на операционном столе, мог рассказать о ней. Тогда ему казалось, что начало и конец жизни находятся в его руках, и он не задумывался над тем, что такое жизнь другая, не органическая, появившаяся природным естественным путем и таким же путем уходящая.

«И вот мне кажется, — записал он в своем дневнике, — что в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как со светом. <...> Колебания светового эфира, чего-то непохожего на вещество, способного проникать через вещества, непроницаемые для всякой другой материи, и вместе с тем сообщающего им новые свойства, мне кажутся подходящими для сравнения с действием жизненного начала»¹⁰.

Это была гениальная догадка, как могли бы сказать век спустя. Жизненное начало, подобно свету пронизывающее все вещество. Особый свет, не похожий на земной. И он вспомнил Библию, к которой относился скептически, считая ее мифом. Он читал ее только в детстве. Полученное в детстве запоминается на всю жизнь. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1,1), «И сказал Бог: да будет свет — и стал свет» (Быт. 1,3). Тот свет, в котором и содержалось жизненное начало, с чего зародился мир. Или, вернее, — проявление мира или космическое его сотворение. Тогда он понял, что жизнь есть космическое явление. Органическая жизнь земли лишь следствие этого явления. В какой-то момент размышлений врач и материалист взял верх над его мыслями. А если его дневник кто-то прочтет, что он о нем, знаменитом Пирогове, подумает или скажет? Но это был лишь краткий момент колебаний. На смену ему пришла твердость убеждения, не требовавшая даже подтверждения экспериментом. Он понимал, что там, откуда приходили к нему мысли, эксперименты были не нужны. Но откуда шло знание, как и в случае с экспериментом. Он, старый врач, не экспериментом, а убеждением своим подтверждал это знание. «Бессмысленным называется то, что противоречит нашим убеждениям, — именно убеждениям, а не

знаниям, ибо убеждения влияют на нас сильнее знания»¹¹. Но основа этих убеждений — разная. Есть в ней преходящее и непреходящее. Он столкнулся с непреходящей, вечной основой. «Если смысл наш — зависим от наших современных убеждений, а они в свою очередь преходящи и не всегда по своей силе и упорству соответствуют нашим знаниям, то ни одна господствующая доктрина, ни одно умственное направление не должны смотреть свысока на другие, или противоречащие, доктрины и направления, а умы беспристрастные, не увлекающиеся и не доверчивые, не должны пугаться насмешек, резких кличек и обвинений в отсталости, нерациональности и бессмыслии»¹². К последним он относил себя. «Так ли, иначе ли, — выводил он твердой рукой хирурга, — развилась животная жизнь на земле, принцип целесообразности в творчестве от этого ничего не теряет и присутствие мировой мысли и жизненного начала во вселенной не сделается сомнительным»¹³. И еще: «Если нам суждено в наших мировоззрениях подвергаться постоянным иллюзиям, то моя иллюзия, по крайней мере, утешительна. Она мне представляет вселенную разумной и действительностью действующих в ней сил целесообразной и осмысленной, а мое я — не продуктом химических и гистологических элементов, а олицетворением общего, вселенского разума, который я представляю себе свободно действующим по тем же законам, которые начертаны им и для моего разума, но не стесненным нашей человечески сознательной индивидуальностью»¹⁴. Итак, у великого К.Э. Циолковского, ученого и философа, был предшественник, который так же космично воспринимал Мироздание, как и его более поздний единомышленник. Может быть, была какая-то связь между тем и другим, или Циолковский каким-то невероятным способом прочел дневник Пирогова, «писанный исключительно для самого себя»? Вряд ли. Ибо подобные мысли Циолковский изложил почти 50 лет спустя после того, как врач Пирогов писал свой дневник. Скорее, речь может пойти об общем источнике знаний, которым воспользовался и тот и другой. И, конечно, Николай Иванович Пирогов никогда не мог и подумать, что опередил на несколько десятков лет одного из основателей нового, космического мышления XX века.

¹⁰ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 99.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Там же. С. 101.

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ Там же.

Пирогов в своей деревенской глуши написал еще немало интересного. Он указал на необходимость расширенного сознания; не имея представления о Великом космическом законе причинно-следственных связей, он тем не менее сформулировал его основной смысл.

«Видя на каждом шагу связь между действиями и причинами, отыскивая по бессознательному (невольному) требованию рассудка везде причину, где есть действие, мы неминуемо, роковым образом, приходим к заключению, что между действиями и всеми причинами существует неразрывная, вечная связь.

При таком взгляде случай будет не более как действие, причина или причины которого нам неизвестны, а для многих событий, можно утверждать а priori, и никогда не будут известны. Это почему? А потому, что стечение обстоятельств в одну бьющую точку — случай — бывает до того сложно, что для определения его понадобилось бы невозможное знание всего прошлого и настоящего»¹⁵. И в завершение: «Я — за предопределение. По-моему, все, что случается, должно было случиться и не быть не могло»¹⁶. На этом можно было бы и остановиться. Ведь все, что записал «отец хирургии» в своем дневнике, потом найдет свое отражение в XX и даже в XXI веке в новом космическом мышлении, ибо этот дневник старого врача был тесно связан с теми эволюционными процессами, которые происходили в преддверии нового века, а затем и нового тысячелетия. Эволюция предопределила те процессы и энергетические тенденции, которые были необходимы для этого времени. Николай Иванович Пирогов, если можно так сказать, попал в этот эволюционный поток. И через него пошла волна в следующий век, формируя новое мышление. Естественно, может возникнуть вопрос — почему именно через него, а не кого-то другого, третьего и т.д. Космическая эволюция в своих действиях крайне избирательна и делает свой точный выбор, связанный с ее целями и качествами ее избранника. Мужество и самопожертвование, любовь к людям, ясный ум и талант исследователя, высокая нравственность интеллигента, равнодушные к земным благам и почету — уже этого одного хватило бы, чтобы такой выбор пал на этого человека. Но вместе с этим он прошел такую школу в своей профессиональной жизни, которая и не снилась многим его коллегам. Непосредственное участие в трех войнах, опера-

ции под огнем противника, сотни раненых, тысячи убитых. В нем счастливо сочетался искусный врач-практик и большой ученый. Подтверждением этого служат многие спасенные им жизни и многотомное собрание его научных трудов. Именно такая жизнь, как ни странно, подготовила его к восприятию высокой мысли об универсальной роли Космоса в жизни человека, о его единстве с этим Космосом, о влиянии на него Высших миров и необходимости сотрудничества человека с этими мирами.

Обычный средний хирург, занимаясь своим делом, не имел никакого отношения к высокой мысли Космоса. И, поистине, надо было быть таким талантливым, широко мыслящим ученым, каким являлся Николай Иванович Пирогов, чтобы интуитивно ощутить за знакомой ему во всех тонкостях плотной материей человеческого тела что-то невидимое и значительное, связанное с Высшим и в то же время имеющее прямое отношение к этой плотной материи. И не только имеющее отношение, но и определяющее закономерности ее развития и ее судьбу. Ощущение, что за этой плотной материей стояло все богатство и разнообразие Космоса, и зародило в нем самом то чувство, которое мы можем назвать космическим мироощущением, свойственным уже следующему веку.

Да, он был ученым по своему призванию и занятиям, являясь авторитетом для многих в научных кругах. Его экспериментальная база всегда была безупречна. Возможно, именно поэтому он крайне удивился тому, что знание может приходиться из какого-то другого, вненаучного источника, но быть таким же истинным, как и полученное экспериментальным путем.

Когда удивление прошло, он обнаружил одну важную закономерность этого знания, полученного вненаучным путем. Оно, по еще не известным Пирогову таинственным причинам, опережало знание, подкрепленное экспериментом. К сожалению, его дневник есть единственный памятник его философской мысли. И поэтому сейчас крайне трудно решить, дошел ли он до мысли, что опережающее вненаучное знание вело за собой эмпирическую науку и влияло на ее развитие много больше, чем могли предположить ученые, носители такой науки.

Мысли, шедшие из пространства миров иного состояния материи, несли идеи, которые в определенной степени направляли развитие эм-

¹⁵ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 167—168.

¹⁶ Там же. С. 170.

Имение Н.И. Пирогова. Липовая аллея

пирической науки и составляли первичную материю этой самой науки.

Будучи человеком мужественным и непревзятым, он размышлял о необходимости синтеза научных и вненаучных способов познания, который принесет несомненно плодотворный результат. Знание есть знание, откуда бы оно ни пришло, каким бы путем ни появилось. Он был убежден, что «отвергать одно потому, что мы убеждены в несомненности другого, — дело опасное»¹⁷. В нем самом, подчиняясь законам космической эволюции, уже жил тот неведомый синтез, в котором в каком-то новом качестве сопрягались в гармонии научный и так называемый вненаучный способы познания.

Этот синтез и собственное расширенное сознание сделали «отца русской хирургии» одним из тех, кто стал предтечей нового космического мироощущения. Но эволюция всегда обеспечивает продвижение своих идей и целей через целые группы воспринимающих эти идеи.

XX век был особенно богат такими индивидуальностями, главной опоры нового мышления в самых разных областях культуры и науки.

На смену Николаю Ивановичу Пирогову уже шла целая плеяда ученых, мыслителей, художников, которые несли в себе различные способы познания, необходимые для формирования нового синтетического мышления. Когда он умер, Павлу Александровичу Флоренскому был 1 год, Елене Ивановне Рерих — 2 года, Николаю Константиновичу — 7 лет, Владимиру Ивановичу Вернадскому — 18 лет, Константину Эдуардовичу Циолковскому — 24 года, Александр Леонидович Чижевский родится 16 лет спустя после его смерти. Все они пришли в этот мир в XIX веке, и Николай Иванович Пирогов был самым старшим среди них. Он опередил их и по возрасту, и по знаниям. Ему не удалось передать эти знания им напрямую, но это уже не важно. Ибо знания пришедших позже напитывались из того же источника, которым пользовался и старый врач.

Я хочу закончить этот очерк цитатой из того же дневника, которая свидетельствует о том, что загробный мир понимался Пироговым по-другому, нежели в христианской религии. Он сделал свою первую попытку объяснить его научно, вложив в это объяснение все свои знания, обретенные им во время вечерних прогулок. Речь шла о научной истине. «Истину узнаем только за гробом; там узнаем, соответствовала ли наша жизнь ее истинной цели. Органические страсти с их увлечениями и чувственность вещественного бытия, перестав существовать, дадут возможность нам стать к истине лицом к лицу; это не то что стоять лицом к лицу с нашей совестью здесь, живя вещественно: там придется иметь дело с самой истиной, которой мы так добиваемся здесь и вместе с тем стараемся ее избежать»¹⁸.

Николай Иванович, размышляя таким образом, сделал попытку понять, как отличаются друг от друга восприятия в мире плотной материи от восприятия в мире тонком. Это один из важнейших и трудных вопросов в пространстве космического мироощущения. Он сумел интуитивно почувствовать эту разницу и понять главное — в мире плотном нет возможности установить непреходящую истину. Это можно сделать лишь в тонком мире, где эманация плотной материи, обычно затрудняющая познание, отсутствует. А если это так, то совершенное постижение истины как таковой, без знаний, идущих из миров иных, более высоких состояний материи, не может состояться. Оно не может состояться и в том случае, если мы не примем к сведению опережающего характера знаний, идущих к нам из глубин космической Беспредельности. Иметь мужество посмотреть истине в лицо дано не каждому. Великому русскому хирургу Николаю Ивановичу Пирогову это удалось, о чем свидетельствует его уникальный дневник, «писанный исключительно для самого себя». Теперь настало время прочесть его и по достоинству оценить.

¹⁷ Пирогов Н.И. Собрание сочинений. Т. VIII. С. 182.

¹⁸ Там же. С. 183.

Космизм А.Л. Чижевского

Александр Леонидович Чижевский (1897—1964) — одна из выдающихся фигур нашего времени, «Леонардо XX века», как его иногда называли. Крупный ученый, поэт, художник, безкорыстный моральный авторитет, он был также глубоким мыслителем-космистом. Ему принадлежат многочисленные идеи мировоззренческого плана. Фундаментальное значение многих из них было очевидно и раньше. В 30-е годы за нетрадиционный взгляд на социально-исторические процессы А.Л. Чижевскому был приклеен ярлык «враг под маской ученого», и он долгие годы провел в заключении. Некоторые мировоззренческие размышления Чижевского настолько опережали свое время, что лишь сейчас мы начинаем, наконец, осознавать их эвристическую силу, все более и более убеждаясь в том, что они должны стать ориентирами современной науки и культуры, хотя и в новой, модернизированной форме.

Сегодня, когда культура, включая философию, находится в кризисе, когда духовное вытесняется материальным, массовая культура доминирует над культурой подлинной, когда ослабляется интерес к науке, современному знанию о мире особенно нужны новые смыслы. В этом контексте становится все более важной роль космического мировоззрения. «Космос направляет мир к овладению Красотой»¹. Космизм был тем целенаправляющим стержнем, который привел А.Л. Чижевского к ряду выдающихся открытий. Одно из них — разработка ключевых фрагментов междисциплинарного направления исследований, которое сейчас называют «Большой историей». Это направление включает биологическую и социальную эволюцию человека в рамки универсального эволюционизма — от флуктуации вакуума, породившей нашу Вселенную, до глобальных проблем современной цивилизации.

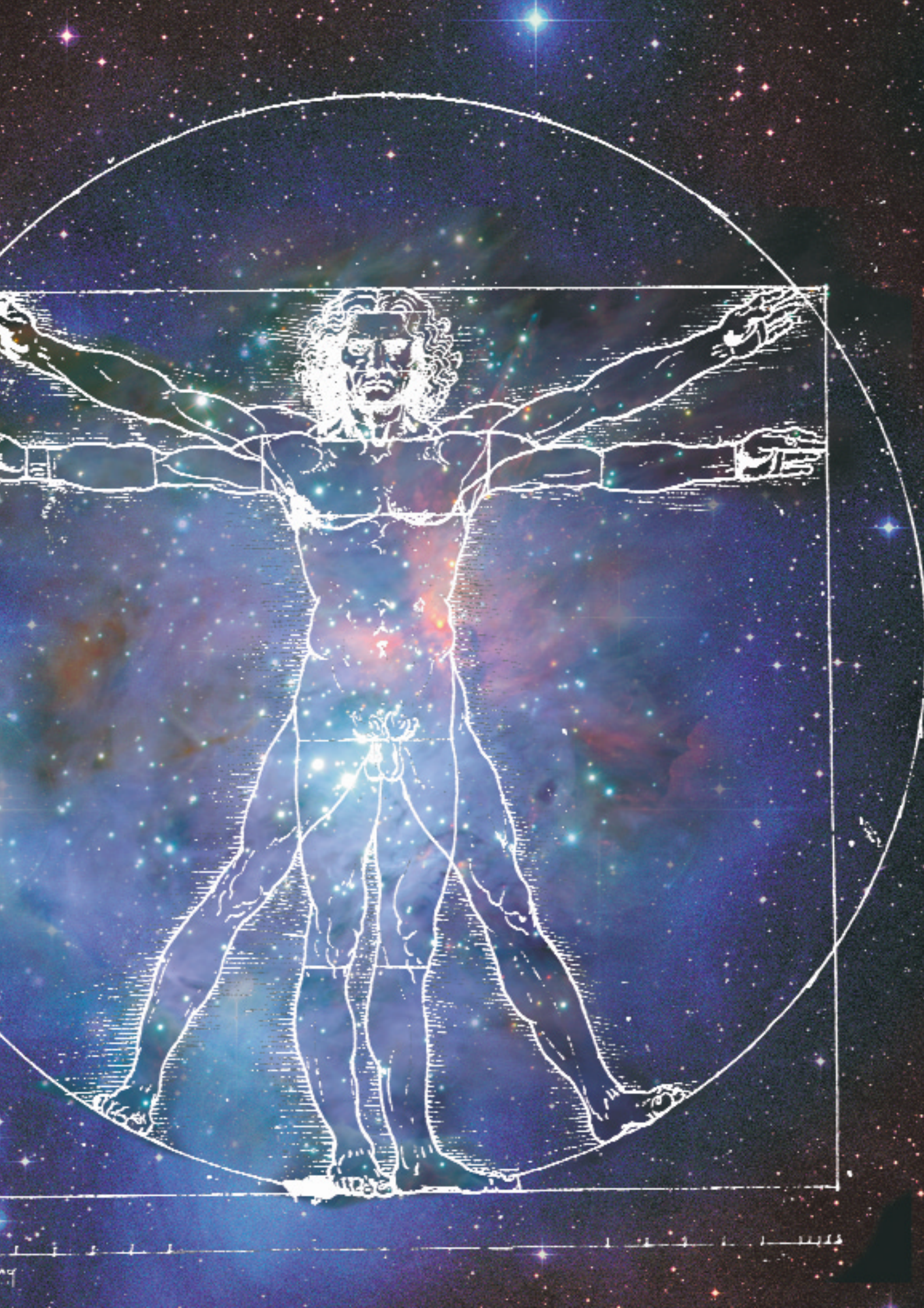
Необходимость научного мировоззрения

Творческое начало А.Л. Чижевский видел прежде всего в природе. Любовь к творчеству, проявляющая себя в разных формах, «безусловно присуща»² и человеку. Философия, наука, искусство, поэзия — каждое из этих высших творческих проявлений человеческого духа привлекало Чижевского, в каждое он внес свой вклад. Особенно его интересовали относимые им «к вопросам величайшей важности» следующие мировоззренческие проблемы: «...удастся ли нам когда-нибудь познать природу как она есть, а не как нам кажется. Хаос или гармония управляют всем происходящим в мире; однородно или многообразно вещество, создающее видимый мир, и что оно представляет из себя; смертна или бессмертна органическая жизнь, случайна или вездесуща она; смертен или бессмертен мир; конечно или бесконечно пространство»³. Подобно В.И. Вернадскому, настаивавшему на необходимости «научного мировоззрения», он подчеркивал, что огромную и даже доминирующую роль в решении этих фундаментальных проблем мировоззрения должна играть наука.

¹ Беспредельность, 178.

² Чижевский А.Л. Академия поэзии. Проект / В науке я прослыл поэтом... Стихотворения. Калуга, 1996. С. 220.

³ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Архив РАН. Ф. 1703. Оп.1. Л. 1. Л. 1 (об).

Свою философскую позицию Чижевский называл «критическим реализмом» или «научным реализмом», что является синонимом материализма. В основе этой позиции лежит «уверенность, что создаваемая наукой, и только наукой, физическая картина мира представляет собой не одну лишь творческую способность нашего ума, а отражает подлинно существующие и независимые от нас процессы природы». По его мнению, необходимо такое «приближение к научному постижению вещи в себе, которое стремится освободить научную картину мира от всякого антропоморфизма»⁴. Материалистическая тенденция — доминирующая и определяющая черта мировоззрения Чижевского.

В контексте своего понимания критического, или научного реализма Чижевский высказал интересные соображения о процессе познания мира. Например, обсуждая природу философских принципов, выходящих за границы как экспериментального, так и теоретического исследования (цель которых «разгадать внутреннюю сущность вещей и дали неба»), он отметил, что открытию этих принципов содействуют образы, возникающие либо при участии каких-нибудь внешних факторов, либо «исключительно с помощью углубленного мышления и творческой фантазии». При зарождении образа «имеет, очевидно, большое значение творческая интуиция»⁵, подчеркивал Чижевский.

К числу сделанных таким путем открытий он относил ряд философских концепций, нашедших впоследствии блестящее научное оправдание — атомизм Лукреция, образные «предчувствия» средневековых алхимиков о возможности превращения химических элементов и другие. Образы содействуют поискам связей между различными явлениями природы, дают возможность «рассматривать невидимое под образом видимого», исследовать «явления, не поддающиеся опыту»⁶.

Трактовка понятия материи в философской концепции Чижевского совершенно недвусмысленна. Материя рассматривается им как проявление *энергетического* начала: «Материальный мир есть арена последовательных и закономерных комбинаций и колебаний единого мирового субстрата — электричества. Материя образована из электричества...»⁷ В дальнейшем движении своей философской мысли Чижевский высказывает идею, им самим называемую пифагорейско-платоновской. Это — идея о *едином мировом законе*, или принципе, стоящем *по ту сторону* природных яв-

лений. «Если мы примем электро-атомистическое мировоззрение, согласно которому материя не существует, а есть лишь одно или два имматериальных электричества, мы, согласно вышесказанному, должны будем невольно прийти к убеждению, что существует лишь один или два каких-то основных принципа, которые, воздействуя на то или иное “электричество”, создают и материю, и весь видимый внешний мир. Таким путем все многообразие ощущаемого мира, столь запутанное и разнообразное, будет *объединено и сведено к обнаружению единого физического закона, действующего на единое физическое начало*»⁸. Достижения современного ему естествознания Чижевский интерпретировал так: «Идея неоплатоников о едином мировом субстрате и идея пифагорейцев о едином правящем принципе постепенно отрываются из недр времени и подготавливаются к более интенсивной жизни в грядущем»⁹. Рассматривая проблемы симметрии в природе, он склонялся к тому, что иногда называют «пифагорейской мистикой чисел». Например, симметрия в строении листьев на дереве или чешуек на сосновой шишке подчиняется строгим числовым закономерностям того типа, открытие которых приписывается пифагорейцам. «Золотому сечению» пифагорейцев, которое в эпоху Возрождения называли еще Божественной пропорцией, видя в ней меру мировой Гармонии, Чижевский придавал большое значение. Все эти соображения он связывал с существованием «точно-го, извечно-сущего космического закона», определяющего изучаемые нами явления природы.

Помимо материалистических, энергетических, пифагорейских, неоплатонических идей, в концепции Чижевского немалое место занимают и астрологические представления, но коренным образом переосмысленные с позиций современной ему науки. Многочисленны обращения Чижевского и к древней мудрости Востока. Например, одна из центральных идей его концепции — идея ритма в космической эволюции — имеет своим истоком как античную, так и восточную философскую мысль. Идеи и образы, свойственные самым разным философским традициям, моделируют концепцию Чижевского, но это отнюдь не признак какой-то непоследовательности или эклектичности.

В связи с этим вспомним известные слова А.Эйнштейна о том, что естествоиспытатель не может при построении своего мира понятий слишком сильно ограничивать себя принципами какой-либо одной философской системы. Он будет

⁴ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 5—6.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 46.

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Там же.

казаться *реалистом*, говорил Эйнштейн, поскольку объект его исследований — внешний мир, *идеалистом* — поскольку научные понятия теории он рассматривает как «свободные творения человеческого духа», не вытекающие непосредственно из опыта, *платоником* и *пифагорейцем* — поскольку считает логическую простоту необходимым и действенным инструментом исследования и т. д.

С большой искренностью это высказывание раскрывает отношение великого естествоиспытателя к мировоззренческим, философским основаниям научного поиска. Невозможность вывести принципиально новое знание из уже известного заставляла его выходить за пределы эмпирического и теоретического уровня науки, в мировоззренческую сферу — для формирования новых идеалов и норм познания, новой научной картины мира.

И таким был путь не одного только Эйнштейна. И Коперник, и Кеплер, и Ньютон, и Бор, и А. А. Фридман, создатель теории расширяющейся Вселенной, — все они шли аналогичным путем. Их творчество вдохновлялось теми философско-мировоззренческими идеями, которые были наиболее созвучны их собственным научным проблемам, причем, как правило, при этом более или менее органично сочетались взгляды разных мыслителей.

Мировоззрение Чижевского также было многосторонним. Оно возникло на стыке разных традиций — философских и эзотерических. Все это не только вполне естественно, но и неизбежно на крутых поворотах человеческого познания, тем более в современную эпоху диалога культур Запада и Востока.

«Энергетический космизм» А. Л. Чижевского

Чижевского справедливо относят к русским космистам. И действительно, все его творчество — мировоззренческое, научное, художественно-поэтическое — буквально пронизано образами, метафорами, идеями связи человека и космоса. Эта связь наполняет многообразными смыслами и понимание А. Л. Чижевским «Большой истории».

Специфика космизма Чижевского заключалась в том, что, проявляя большой интерес к проблемам космической экспансии человечества, а также к «активно-эволюционному подходу», он сам этих проблем не разрабатывал. Более того, из некоторых его высказываний следует, что он неодобрительно оценивал призывы к «покорению природы». Он писал,

например, что антропогеография должна отказаться от старого взгляда, «будто бы с ростом культуры человек подчиняет себе природу и постепенно освобождается от нее»¹⁰. Он видел большую долю истины в старой мысли, высказанной еще Бэконом: «Природой можно повелевать, только подчиняясь ей». Вместе с тем он еще не мог видеть в полной мере негативных моментов технологического процесса, считая, что если человек «берет от природы все, что ему необходимо для поддержания собственной жизни, то этот факт ясно показывает, что человеческие агрегаты представляют собой некоторую составную часть природы, но ни в коем случае не полную ее противоположность...»¹¹.

Акцент в мировоззренческих размышлениях Чижевского сделан на единстве космической и земной природы и человека: «...мы должны представлять себе человека и его агрегаты, сообщества и коллективы как продукт природы, как часть ее, подчиненную ее общим законам»¹². Иными словами, его интересовали преимущественно аспекты космизма, связанные с осмыслением единства мира и человека как неотъемлемой части этого мира.

Свое понимание основного принципа космизма Чижевский формулировал так: «В свете современного научного мировоззрения судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб Вселенной»¹³. Приведем еще одно его высказывание, которое разъясняет смысл этого принципа: «Человечество, населяющее Землю, находится под постоянным, мощным и сложным воздействием Космоса, которое мы лишь с трудом учимся улавливать и понимать. Но для нас уже нет никакого сомнения в том, что жизнедеятельность и отдельного человека, и всего человечества находится в тесной связи с жизнедеятельностью всей Вселенной... В этом научном воззрении, всецело вмещающем в себя философские догадки древних, заключается одна из величайших научных истин о мировом процессе как едином и цельном явлении. Охватывая все стороны неорганической и органической эволюции, он представляет собой явление вполне закономерное и взаимозависимое во всех своих чувствах и проявлениях»¹⁴.

Эти мысли практически совпадают с идеями других русских космистов, особенно Циолковского. Но интерпретация принципа космизма, вкладываемый в него конкретный смысл у Чижевского отличается большим своеобразием. Он подробно обосновал взгляд, который у других космистов мы не встречаем и который в 20 — 30-е годы прошлого века выглядел «еретическим». Впрочем, не ме-

¹⁰ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. М., 1995. С. 524.

¹¹ Там же. С. 524—525.

¹² Там же. С. 525.

¹³ Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 9.

¹⁴ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 695.

нее «еретическим» воспринимается он и сейчас. Речь идет о влиянии на науку астрологии как социокультурного феномена. «Может быть, первый человек, посмотревший на звездное небо, распростертое над ним в тишине темно-синей ночи, понял, что хор движущихся в вышине светил составляет нечто общее с его подножием — с Землей и не может поэтому не иметь с нею прямой, хотя и невидимой связи. Из такого элементарного наблюдения, подкрепленного доводами самой непритязательной логики, родилась та “мнимая” наука, которая называется астрологией»¹⁵.

Астрология, по А.Л. Чижевскому, представляла влиятельным феноменом мировой культуры на протяжении тысячелетий, затем была похоронена, но, как оказалось, преждевременно. Пережив ряд глубоких преобразований, человеческая мысль вернулась к тем «первоначальным философским концепциям, которыми болела на заре истории человечества», включая и астрологию. Особенно импонировало Чижевскому сложившееся в умах астрологов, еще за тысячелетия до начала опытного изучения природы, «глубочайшее убеждение в том, что жизнь представляет собой лишь трепет космических сил, поток космической энергии, направленной сверху вниз». К этому он добавлял, что, «объясняя мировой процесс вибрацией космических сил, астрология тем самым освобождала мысль от гнета церковной догмы и освежала ее дуновением широчайших просторов, шествовала впереди всех наук как их лучшее философское завершение, как передовой боец за свободу человеческого духа»¹⁶. Конечно же не о возрождении каких-то древних суеверий говорил Чижевский. Он имел в виду лишь некоторые мировоззренческие идеи, целенаправляющие современный научный поиск. «В то же время всякому ясно, что между нашими выводами и астрологией — такая же пропасть, как между электрической химией и наукой о философском камне»¹⁷, — решительно подчеркивал он.

Наиболее характерная черта космизма Чижевского, выявляющая его глубинные связи с эзотерикой, — энергетическая направленность. Смысл разработанной им версии космизма составляет принцип *превращения космической, прежде всего солнечной энергии в энергию психических процессов людей и человеческих сообществ*, что определяет, согласно Чижевскому, некоторые важнейшие черты социально-исторических процессов. О влиянии энергетики космоса на человечество говорили, как известно, и другие космисты, особенно К.Э. Циолковский. Он считал, что «воля космоса», т.е. психичес-

кая энергия «высших разумных сил», передается человечеству и определяет многие стороны его жизнедеятельности. Но в космической философии Циолковского эта идея не является основополагающей, тогда как у Чижевского мысль о воздействии энергетики космоса на энергетику земных процессов — основная и наиболее оригинальная. И надо сказать, что в современную эпоху, когда освоение дальнего космоса остается нереализованной мечтой, разрабатывавшийся Чижевским аспект космизма, связанный с изучением роли космических факторов в биологических, психологических и социально-исторических процессах, становится наиболее значимым для современной культуры.

Принципы законосообразности, единообразия и детерминизма

Ключевое место в философской концепции Чижевского занимает идея существования единого закона всего сущего.

Единство мира Чижевский понимал как его *единообразие*. «Вселенная, которой управляет единственный закон, части которого мы познаем с таким трудом, не может быть разнородна и не одинакова на всем своем великом протяжении. Как у нас на Земле, так и на расстоянии миллиардов световых лет — властвует та же закономерность, та же целесообразность и гармония»¹⁸.

Принцип единообразия в контексте своего «энергетического космизма» Чижевский обосновывал следующим образом: «Материальный мир есть арена последовательных, а потому и закономерных комбинаций единого субстрата — электрона. Поэтому мы будем утверждать, что физическая картина отдаленного мира похожа на нашу! Но мы смеем утверждать, что если существует материя, то ее проявление подобно тому, каковое наблюдаем и мы. *Мы можем также утверждать, что единый принцип, создающий наш мир, один и тот же и проявляется в самых удаленных участках Вселенной с той же последовательностью и в том же порядке действия*. Таким образом, мы приходим к утверждению Единства образующего физического закона во всей Вселенной»¹⁹.

Из этого единообразия мира как следствие выводится «единство логического мышления», поскольку оно развивается в неразрывной связи с внешним миром.

Другим аргументом, подтверждающим единообразие мира, была для Чижевского мировая

¹⁵ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 496.

¹⁶ Там же. С. 502.

¹⁷ Там же. С. 692.

¹⁸ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Л. 102.

¹⁹ Там же. Л. 103.

гармония. Идея единообразия и порядка жизни всего мироздания «безусловно вытекает из каких-либо основных его свойств, основных его законов». Таким свойством и является гармония мира. «Человеческий род, населяющий земной шар, может служить образцом того творческого воздействия, которое расточается Вселенной в силу ее совершеннейшей гармонии». Постоянное отображение этой мировой гармонии человеческим мозгом «только и могло породить тот строй мысли, каким наделены ныне представители культурных рас»²⁰. Таким образом осуществляется в философской концепции Чижевского единство различных образов мира.

Но если «Земля и все населяющее ее живое представляют собой органическую систему, зоон — Платона, следует предположить, что могущественные нарушения, имеющие иногда место в физико-химической среде Земли, должны вызывать мощные пертурбации и в органическом ее царстве. Таким образом, следовало допустить, что наиболее крупные движения в человеческом мире протекают одновременно с какими-либо колебаниями или изменениями сил окружающей природы»²¹. Мы еще раз убеждаемся, что мировоззренческие принципы действительно выступают у А. Л. Чижевского в качестве направляющего стержня для разработки его научной концепции.

Принцип единообразия космоса лежит в основе принятого Чижевским подхода к исследованию проблем взаимосвязи космических и земных факторов, который был типично *редукционистским*²². Если свойства космоса определяются принципом единообразия, то «не должны ли быть приложены к изучению исторического процесса и социальной эволюции методы и принципы физики и математики? Владения физики — вся Вселенная, вся целиком, а потому физика должна сказать свое слово при рассмотрении любого в мире вопроса.

Она должна осветить лицо истории своими законами о веществе, связать человека с человеком, человечество с природою путем установления для органических существ законов, аналогичных законам неорганического мира... Современная точная наука мало-помалу уже вступает на этот путь», — писал Чижевский, причем «человеческая воля становится доступной опыту, и сам человек из сферы чудес переводится в ряд закономерных физико-химических явлений природы»²³.

Конечно, такой подход является спорным. Попытки сведения высших проявлений психичес-

кой деятельности человека к физико-химическим факторам предпринимались неоднократно, но успеха не имели, хотя редукционизм — один из наиболее популярных и признанных методов современной науки. Обратим, однако, внимание на весь контекст процитированных рассуждений. Основное в них — признание единого закона мира. Сегодня эта мысль Чижевского очень созвучна поискам современной физики, нацеленным на построение «единой теории всего».

Несмотря на прямые, казалось бы, редукционистские рассуждения, в своей концепции Чижевский подразумевает выведение свойств различных структурных уровней мира из этого пока не открытого закона еще не созданной физической теории, закона, который жестко детерминирует все процессы в космосе, связывая их единой цепью.

Принцип *пандетерминизма*, т. е. причинно-следственной связи всего со всем также является смысловым стержнем этой концепции, соединяющей различные образы мира. Детерминизм выступает формой проявления единого физического закона, лежащего в основе космоса. По словам Чижевского, «в жизни природы все последовательно и все сопричинно связано между собою. Мир есть сложная система зависимых переменных, а не музей отдельных явлений, не перечень неподвижных фактов»²⁴. Вот почему и жизнедеятельность человечества причинно обусловлена жизнедеятельностью Вселенной.

Принцип детерминизма выполняется в космосе А. Л. Чижевского с исключительной жесткостью и без каких бы то ни было модификаций. Ему подчинены все энергетические процессы, среди которых особое место занимают переходы космической энергии в психическую энергию индивидов и человеческих сообществ. «Силы внешней природы связывают и освобождают заложенную потенциально в человеке его духовную сущность и принуждают интеллект действовать или коснеть»²⁵.

Анализируя понимание Чижевским принципа причинности в контексте современной научно-философской мысли, мы убеждаемся, что этому принципу он иногда придавал несколько расширенный смысл. Согласно обычному пониманию принципа причинности, одно явление (причина) при определенных условиях способно порождать другое (следствие). От связей изучаемых явлений с остальными, а тем более с космосом в целом, при этом отвлекаются. Если же причина и следствие рассматриваются в контексте мирового целого,

²⁰ Чижевский А. Л. Основное начало мироздания. Л. 103.

²¹ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 699.

²² От лат. *reductio* — сведение.

²³ Чижевский А. Л. Физические факторы... С. 8.

²⁴ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 9.

²⁵ Чижевский А. Л. Физические факторы... С. 21.

детерминизм как бы растворяется в образе всеобщего взаимодействия.

Специфика исследований Чижевского состоит, однако, именно в том, что он решал комплексную проблему взаимодействия множества космических и земных факторов, в которой переплетаются разные звенья причинно-следственных цепей, т.е. уровни причин, рождающих космические влияния на земные процессы. Но в то же время в своей концепции А.Л. Чижевский рассматривал эти причинно-следственные связи и в обычном, то есть более узком смысле.

Необходимо отметить, что в современных представлениях многие уровни реальности (например, изучаемые субатомной физикой) описываются не строгими причинно-следственными связями, а *статистическими*, вероятностными закономерностями. Они сейчас рассматриваются не как приблизительное знание точных причинно-следственных законов (что было в концепции А.Л. Чижевского), а как самостоятельная и, возможно, даже более фундаментальная черта космоса. Активно пробивает себе дорогу и идея, согласно которой наиболее глубинным космическим фактором является не детерминизм, а, напротив, *спонтанность* (самопроизвольные, беспричинные изменения). Однако вполне возможно, что все эти принципы и идеи не исключают друг друга, а окажутся, в конечном счете, дополнительными, описывающими разные аспекты мирового процесса.

Принцип космического ритма. Универсальный эволюционизм А.Л. Чижевского

Принцип эволюции был высказан А.Л. Чижевским в форме, которая по сути предвосхищает современную концепцию универсального эволюционизма. Космос, считал он, «не знает истощения, ему присуща вечная жизнь, обусловленная ритмом, отбиваемым колоссальным космическим маятником»²⁶. В духе учений восточной мудрости размышлял Чижевский о том, что мировая гармония обусловлена ритмами космической эволюции. Одна из основных задач науки состоит, по его мнению, в создании «эволюционной теории» законов природы.

В этом контексте Чижевский говорил о присущей явлениям природы связи, выражаемой характерным для них образом, который он возводит «до степени принципа природы, т.е. такого начала, каковым руководствуется природа во всех своих

проявлениях. Единство принципа вносит в мир Гармонию, а Гармония является важнейшим пробным камнем вероятности всякого учения. Принцип этот и есть — *principium universale circulationis* — т.н. всеобщий принцип кругооборота». Философская концепция Чижевского пронизана «общей идеей: Палигенезиса, Вечного Возрождения, Вечного Круговорота — Бессмертия Космоса!» Может быть, «этот принцип, проводимый природою во всех своих проявлениях, и есть та удивительная, затаенная в сокровенных основах мироздания простота, которую предчувствовали древние, воспели поэты и о которой говорили нам философы. Или это, может быть, и есть та великая мировая Гармония, которая одинаково одухотворяет, движет согласно непреложных законов по непреложным путям как самые грандиозные, так и самые ничтожные, еле ощутимые процессы»²⁷.

А.Л. Чижевский рассматривал бесконечную причинно-следственную цепь событий, детерминированных «единым физическим законом», который определяет не только фундаментальные свойства космоса и его структуру, но также процессы универсального эволюционизма. Он пришел к выводу: идея хаоса возникает потому, что каждое физическое явление «оказывается результатом бесконечно большого числа причин», совокупностью которых определяются те или иные его аспекты. «То есть ни одно явление, каковое доступно нашему непосредственному наблюдению, не является причиною и следствием одновременного действия одного и того же физического закона, а представляет из себя в известной степени итог исторически складывающихся факторов и комплекс всех местных сопричастных его проявлению обстоятельств и условий»²⁸. Но исследователь обычно принимает во внимание только некоторые из них, пренебрегая другими. Отсюда и возникают в познании образы хаоса. Если же мы, изучая природу, частью которой является, согласно Чижевскому, и общество, будем переходить от одного звена к другому в общей цепи явлений, то усмотрим в них «последовательность и закономерность, а следовательно, и известную гармонию»²⁹, которая, в противоположность хаосу, является, таким образом, фундаментальной чертой бытия.

Что можно сказать об этих размышлениях? С позиций современной науки они представляют несомненный интерес, но требуют определенных уточнений.

Во-первых, синергетика, то есть теория самоорганизации, не рассматривает хаос как нечто совер-

²⁶ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Л. 7.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 18 (об).

²⁹ Там же. Л. 17.

шенно бесструктурное, неорганизованное и как бы незакономерное. Хаос включает в себе набор *аттракторов* — тенденций дальнейшей эволюции; они и определяют направленность космических процессов становления.

Во-вторых, синергетика отказалась от образа мира, процессы в котором определяются жесткими причинно-следственными цепями. Процессы эволюции имеют «точки бифуркации», в этих точках самоорганизующаяся система непредсказуемым способом выбирает возможные пути дальнейшей эволюции. Это свидетельствует о том, что движение познания к «первопричинам всех причин» не может следовать логике жесткого детерминизма.

В-третьих, ритмические процессы, обнаруживаемые в космосе, с точки зрения современной физики и синергетики оказываются лишь аспектом необратимых изменений космических структур.

В-четвертых, современная физика действительно открыла в субатомном мире ряд фундаментальных симметрий, но обнаружены и процессы их спонтанного нарушения, которые концепцией Чижевского не предусматриваются.

В целом же образ универсального эволюционизма, предвосхищенный Чижевским, вошел в парадигму современной науки, — но в иной, вероятностной форме.

О космических факторах геофизических, биологических и социально-исторических процессов

Мировоззренческие идеи А. Л. Чижевского сыграли роль основания, целенаправляющего разработку его концепции влияния космических факторов на геофизические, биологические и социальные процессы. Выход в мировоззренческую сферу диктовался синтетичностью этой проблемы, необходимостью сопряжения знаний естественных и гуманитарных наук. Для объединения их в систему требовались принципы высокой степени общности. Чижевский эти принципы нашел, что и предопределило его научный успех.

Исследуя протекание геофизических, биологических и социально-исторических процессов на собранном им огромном статистическом материале, Чижевский показал тесную связь ритмических изменений этих процессов с циклами космической, в частности солнечной активности. Он установил, что в хаотической, казалось бы, структуре земных процессов можно выявить ритмы, обусловленные космической энергетикой.

В причинную зависимость от солнечной активности им были поставлены такие геофизические

факторы, как, например, напряженность земного магнитного поля, частота появления полярных сияний, колебания климата, землетрясения и многие другие. Далее, периодические колебания солнечной активности оказались причинным фактором, оказывающим заметное влияние на процессы рождения и смертности, развертывания эпидемий и пандемий и др.

Эти исследования Чижевского получили самое широкое признание, их и сейчас интенсивно продолжают во многих странах. Иное отношение сложилось к наиболее впечатляющим результатам, которые были получены Чижевским при изучении космических факторов социально-исторических процессов.

«Изучая статистические основные моменты всемирно-исторического процесса, — писал он, — мы пришли к выводу о могущественном влиянии солнечных факторов на поведение человеческих масс, обусловленное, по-видимому, энергетическим механизмом. Этот вывод позволил нам включить всемирно-исторический процесс в ряд явлений природы и рассматривать его как явление космическое»³⁰.

Как известно, световое излучение Солнца остается постоянным с точностью до нескольких процентов на всем протяжении социальной истории человечества. Но корпускулярная активность Солнца, которая заключается в выбросе масс заряженных частиц, периодична. Ее цикл охватывает в среднем 11,2 года. Статистический анализ исторического процесса выявил в нем периодические изменения, которые оказались практически одновременными с колебаниями корпускулярной активности Солнца. Войны, революции, массовые волнения, в том числе религиозные, распространение ересей, политических заговоров и так далее строго совпадают с максимумами солнечной активности. Это касается и различных эпидемий (холеры, гриппа, возвратного тифа, полиомиелита и так далее).

На основании этого Чижевский формулирует положения, характеризующие течение человеческой истории:

«1. На различных континентах Земли, в различных странах, у различных народов, зависящих или не зависящих один от другого в политическом или экономическом отношении, а равно и по отношению к занимаемой территории, главные моменты их исторической жизни, сопряженные с движением больших масс, стремятся быть синхроничными; количество протекающих одновременно в различных участках Земли исторических событий с приближением к максимуму солнечной деятельности постепенно увеличивается, достигая наибольшего числа в эпохи максимумов, и уменьшается с при-

³⁰ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 691.

ближением к минимуму. Это позволяет считать каждый цикл исторических событий всемирно-исторического процесса — *всеобщим*.

2. В каждом столетии всеобщий цикл исторических событий повторяется ровно 9 раз. На всем протяжении всемирной истории человечества, начиная с 500 г. до Р.Хр. и по сие время, в каждом веке нами обнаружено по 9 отчетливо обрисовывающихся концентраций начальных моментов исторических событий.

Таким образом, можно считать, что каждый цикл всеобщей исторической, военной или общественной деятельности человечества равен, в среднем арифметическом, 11 годам.

3. Эпохи концентраций исторических событий разделены между собою эпохами, в течение которых количество вновь возникающих исторических событий падает до минимума.

4. Эпохи концентраций исторических событий совпадают с эпохами максимумов солнцедетельности; эпохи разряжений совпадают с эпохами минимумов.

За время с 1610 г. последние положения нужно считать установленными вполне, ввиду значительного количества исторических данных, а затем и точности наблюдений за солнцедетельностью.

5. Более или менее длительные исторические события, продолжающиеся в течение нескольких лет и получающие решительное проявление в эпоху максимума солнцедетельности, а также сопутствующая этим событиям эволюция идеологий, массовых настроений и пр., протекают по всеобщему историческому циклу, претерпевая следующие ясно обнаруживаемые этапы:

Период	Этапы возбудимости
I	минимальная возбудимость
II	нарастания возбудимости
III	максимальная возбудимость
IV	падение возбудимости

Эти четыре этапа (назовем их периодами) стремятся быть вполне одновременными с соответствующими им эпохами солнцедетельности: минимумом пятен, нарастанием максимума, максимумом и убыванием максимума с переходом в минимум»³¹.

Откуда человеческие массы черпают ту огромную энергию, которую они затрачивают в процессах социально-исторической активности? С точки зрения А.Л. Чижевского, массовые движения человеческих коллективов и сообществ представляют собой не что иное, как процесс преобразования получаемой Землей солнечной энергии. Необходимо,

однако, проследить механизмы этой трансформации. Как уже отмечалось, А.Л. Чижевский сводил энергию социальных процессов к психофизической энергии человеческих организмов. По его мнению, социальные движения подобны психическим эпидемиям. Они развиваются на той же самой основе, что и истерии, т.е. на почве ущемления инстинктивных потребностей. Их возбудителями являются «темные области» человеческой психики, управляющие некоторыми механизмами нашего поведения. Изучение индивидуальных психических реакций позволит подойти к более глубокому пониманию коллективных реакций, возникающих в массах под влиянием условий, препятствующих полному выявлению их интересов. Мост от индивидуальных реакций к коллективным представляет собой то, что, согласно А.Л. Чижевскому, может быть названо «нервно-психической конституцией» социальных масс. Ибо каждый способен на истерию, поскольку в нем заложены древние формы инстинктов, скрытые рядом последующих наслоений. Как только эти наслоения спадают, человек и человеческий коллектив оказываются во власти древних инстинктов. В связи с этим рождается парадоксальная мысль: «Я хочу сказать, что историей надлежит заниматься психиатрам и невропатологам, а историкам изучать психиатрию. В результате такого обмена знаниями с лица истории должна быть сорвана та маска, которая до неузнаваемости искажает ее зоологические черты. Бог истории — это инстинкт, физиологическая реакция человечества на непрерывное воздействие внешнего мира»³². Изучение этих воздействий, определяемых космическими факторами, приведет человечество к постепенному овладению своими психическими силами, что в корне изменит условия его жизни.

Разработанная А.Л. Чижевским концепция космических факторов биологических и социальных процессов является, несомненно, одним из наиболее ценностно-значимых достижений научной мысли XX века, сравнимых с созданием квантовой механики или генетики. Она непосредственно касается проблемы судеб человечества, которая с такой неотвратимостью поставлена перед современной цивилизацией.

Казалось бы, концепция космических факторов исторического процесса должна вызвать в современной культуре немедленный взрыв интереса, по крайней мере, не меньший, чем ее космо-биологический аспект. Но этого пока не случилось. В очередной раз возникла парадоксальнейшая ситуация — подобно многим другим достижениям научной мысли, опередившим свое время, социально-исторического аспекта концепции А.Л. Чижевского вот уже многие десятки лет как бы не заме-

³¹ Чижевский А.Л. Физические факторы... С. 27—28.

³² Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. С. 642.

чают. Почему же? Конечно, о невысказанных мотивах можно только догадываться, но все же рискнем обозначить некоторые из них.

Несомненно, в какой-то мере свою роль сыграло недостаточное знакомство с этим аспектом концепции А.Л. Чижевского, которая была опубликована в Калуге в 20-е годы прошлого столетия небольшим тиражом, а затем попала в контекст «репрессированной науки». Сейчас идеологические запреты сняты, но свое дело они сделали, на многие десятилетия окружив концепцию А.Л. Чижевского завесой недоверия, страха и забвения, надолго вытеснив ее из культуры.

Инертное отношение к замечательным социально-историческим идеям А.Л. Чижевского объясняется, кроме того, комплексом вполне понятных факторов социокультурного и научного характера. В связи с этим выделим три основных, на наш взгляд, момента.

Во-первых, в современной культуре существует большое число влиятельных концепций социально-исторического процесса, с которыми идеи А.Л. Чижевского либо плохо совместимы, либо даже им антагонистичны.

Во-вторых, восприятие концепции Чижевского в собственно научном контексте затруднено тем, что она находится, как уже отмечалось, на стыке многих научных дисциплин. Выдвинуть такую концепцию мог только энциклопедически образованный человек, каким и был Александр Леонидович Чижевский, но широчайший кругозор необходим также и для понимания и оценки его концепции. Увы, для нашего времени характерна узкая специализация, новых Ломоносовых оно не рождает.

В-третьих, при обсуждении концепции А.Л. Чижевского часто высказывались «принципиальные» возражения по поводу ее существа. Отметим следующие:

— недостаточная математическая проработанность концепции на основе современных статистико-вероятностных методов;

— сведение социально-исторических проблем к психологическим, с особым акцентом на феномене массовой истерии.

Тем самым вообще отрицался вклад А.Л. Чижевского в решение проблем «Большой истории».

Подобного рода претензии лишь подчеркивают настоятельную необходимость дальнейшей разработки концепции А.Л. Чижевского на уровне современной науки, анализа имеющихся в ней упрощений, отказа от устаревших моментов, свойственных ей, как и любой научной концепции. Ведь речь идет о наиболее приоритетных вопросах современной культуры.

Биосфера и социосфера Земли представляют собой открытые системы, самоорганизация кото-

рых определяется не только земными, но и космическими факторами (во многом — квантовыми механизмами). Современная синергетическая парадигма либо уделяет этим факторам в контексте человеческой истории недостаточное внимание, либо даже игнорирует их. Но есть достаточно веские основания считать, что концепция самоорганизующейся Вселенной не может пройти мимо этих влияний. Носящие резко нелинейный характер, эти воздействия во многих случаях оказываются определяющими.

Конечные выводы А.Л. Чижевского зависят от принятых им устаревших предпосылок (пандетерминизм) лишь по своей форме, но не по содержанию. Они могут быть включены в современную постнеклассическую науку. Причинно-следственная связь спонтанных нестационарных процессов на Солнце с жизнедеятельностью биосферы и социосферы может быть понята в контексте вероятностного способа описания и объяснения. Концепция Чижевского выступает необходимым фрагментом сценария самоорганизующейся Вселенной. Она имеет первостепенное значение для разработки проблем «Большой истории», непосредственно включая социально-исторические события в рамки процессов космической самоорганизации. Спонтанные проявления вспышечной активности Солнца играют роль спусковых механизмов, периодически вызывающих нелинейные по своей природе земные последствия. Выявленные А.Л. Чижевским механизмы воздействия солнечной активности на социально-исторический процесс по своей сути совпадают с теми, которые сформулированы Г.К. Юнгом в его аналитической психологии. Чижевский обнаружил влияние солнечной активности на сферу коллективного бессознательного и через нее — на человеческую историю. Это влияние носит вероятностный, стохастический характер. Так, не во всех странах одновременно происходят эпидемии, войны, революции, но вспышки на Солнце нелинейным образом усиливают влияние земных факторов. Отсюда следует, что концепция космических факторов биологических и социальных процессов является, вопреки распространенному равнодушию, одним из наиболее ценностно значимых достижений научной мысли XX века, сравнимым с разработкой квантовой механики или генетики. Она непосредственно затрагивает перспективы человечества в условиях нарастания глобальных проблем техногенной цивилизации.

Будем же надеяться, что русский космизм, открывший дорогу к пониманию будущего, — в том числе концепция А.Л. Чижевского, — поможет человечеству и нашей Родине, России найти выход из временного тупика, в котором оказалась современная цивилизация.